

Экспериментаниум

Роман Красильников

родился в 1978 году в Вологде.

Доктор филологических наук.

Автор книг «Без оправданий» (2000), «Лингвистические эксперименты: Биоскопия» (2000, совместно с Евгением Филиным), поэтических, прозаических, драматических и литературно-критических текстов. Печатался в альманахах «Стрекоза», «Автограф», «Вологодский альманах — 2015», журналах «Юность», «Октябрь», «Гуманитарная парадигма», сборниках «Однажды волна», «40 ступеней», «Листва». Участвовал в работе лит-объединений «Вологда молодая», «Ступени», «Overground». Лауреат литературной премии «Эхо» за опыт критики (2017).

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Сквозь тяжесть и тягучесть снов,
Как ледокол исчерна-красный,
Немного грустно, чуть ужасно
Приходит первая любовь.

И вроде нет её давно,
И всё надёжно пережито,
И говорю о ней открыто,
Как о просмотренном кино.

Но на душе, почти у дна,
Там, где спрессованы все страхи,
Подобно заточённой птахе,
Забьётся странная вина.

Не знаю, в чём я виноват.
Та жизнь дожита в добром прошлом.
К ней возвращаться будет пошло,
Да и нельзя идти назад.

Хотел бы я во мгле ночной
Почувствовать её, как надо —
Как счастье, как былую радость,
Когда-то данную судьбой,

И снова твёрдость обрести
Поступков и решений важных,
И примириться с мигом каждым
Назначенного мне пути.

ПЕРСОНАЖИ

Я скорее Грушницкий, отнюдь не Печорин,
Не умею влюблять насовсем по чуть-чуть
И, наивно поддавшись чужим разговорам,
От бесчестья во мглу провалиться хочу.

Я скорее Безухов, отнюдь не Болконский.
Как спастись от прекрасной до дрожи Элен?
Как увидеть за юным желанием плотским
Безобразие душ и возможность измен?

Жизнь быстрее скрепляя просроченным клеем,
Забываешь об истине нитки простой.
Я скорее Каренина, вовсе не Левин.
Как прожить без ошибок, премудрый Толстой?

Где-то любишь без памяти, где-то удара
Не умеешь держать и покатишься вниз.
Я скорее Аркадий, отнюдь не Базаров
И, наверное, Тихон, отнюдь не Борис.

Сомневаясь в себе, человечности ради
Утешаешь других, не велик и не горд.
Я скорее Лука и Наташа, не Сатин
И, наверное, Мастер, отнюдь не Марго.

Падать Ленским, Пилатом страдать и, как Ватсон,
Ничего не угадывать в сложных делах.
Я, похоже, опять персонаж второклассный,
Возвышающий главных героев в веках.

Нужно жить, нужно ляжку тянуть до износа,
Нужно двигать проклятый сюжет по пути
Без меня невозможных проблем и вопросов,
От которых героям никак не уйти.

Екатерина Красильникова. Рождение

2019

136

ИЗ ЦИКЛА «ИНФИНИТИВЫ»

II

Родиться в 78-м.
Увидеть Брежнева, Черненко,
Их смерть, на длинной переменке
«Гонять» за сладким пирожком.
С надеждой гладить галстук алый,
Распад страны переживать,
Лишь понаслышке знать истмат,
Связать слова «ГУЛАГ» и «Сталин»
Шаламовым, а телефоны,
Трёхсотый, лавки променять
На «серебро» и букву «ять»
Стихов дореволюционных.
Закончить вуз и как-то жить,
Терпеть, работать и жениться,
Хотеть уехать за границу
От лозунгов, бумаг и лжи.
Бродить сомнамбулой в игре.
Чужой. Его. С утра когда-то
Простить наверно виноватых,
А ночью взять и умереть.

III

Стать Богом, а скромнее – богом
Для них, своих учеников.
Сомнений море, но готов
Учить чему-то понемногу.
Влюбляться в их притворный вид,
Смущение, враньё и радость,
В касания секретных взглядов,
Заразных, как ОРВИ.
Читать в тетрадах «death» и «love»,
Следы «разборок», состояний
Печорина или Татьяны
Из самых напряжённых глав.
Учить сомнению, борьбе
С любыми страхами, божками,
И постепенно вырыть яму,
Свить сети самому себе.
Вчерашний идол сокрушив,
Они уедут все куда-то —

Искать себя, любви, зарплаты
И веры в свой правдивый миф.
Зачем им ветхое отцовство?
Но богоборчество вести
Не может по тому пути,
Где не живет богосыновство.

V

Увидеть розовое чудо,
Бояться на руки принять,
Не понимать. Зачем? Откуда?
И кто теперь отец и мать?
Увидеть сморщенный комочек,
Взять пальчик, поломать боясь,
И ощутить без проволочек
Навечно созданную связь.
Не спать ночами, зажимать
Носы от запаха плохого,
Читать Чуковского и снова
Вдвоём укладывать в кровать.
Бояться кашля, ран, заразы,
Падений, жара, кошек, мух,
Молиться Богу, если сразу
Не помогло лекарство вдруг.
Во двор под вечер выводить,
Играть в любое время года,
Смотреть, как детская природа
Во взрослую протянет нить,
Как новый мыслящий тростник
Растёт, качается, но крепнет,
Как радость, гордость, страх и трепет
В нём возникают в должный миг.
Почувствовать попытки спорить
И потихоньку отпускать
Туда, где самому опору
Приходится всегда искать.

ИЗ ЦИКЛА «АНАТОМИЯ»

II. Глаза

Большие, небольшие, светло-карие,
Зелёные и серо-голубые,
Живые или мёртвые, и старые,
И детские, с вопросами любимыми,

Невинные, стыдливые, слепые,
Смиренные, готовые дать сдачи,
Заботливые мамыны родные,
Кошачьи, лошадиные, собачьи,

Любимые, с надеждою смотрящие,
Наполненные жалостью зачем-то,
Усталые и умные, горящие,
Жестокие, не видевшие света,

Заплаканные, пьяные и красные,
Бывают не в одном стихотворении,
Нахмуренные, исподлобья, страстные,
Надменно, свысока или с презрением.

В одни не заглянуть, как ни стараешься,
В других — дорога к глубине бездонной,
В одних — тоска и мрак непробиваемый,
В других же тонешь, тонешь, тонешь ...

III. Кровь

Во мне есть кровь. Я вижу ясно
Её неспешный тёплый ток
По жилам, по сосудам красным
И синим, вдоль и поперёк.

Во мне есть кровь. Она идёт
Большими, малыми кругами.
Она даёт мне кислород
Со всеми нановеществами

И омывает внутривенно
Не только мышцы или жир,
Но все углы моей вселенной,
Мой внутренний, богатый мир.

В ней удивительно и то,
Что понимать она умеет
И жизнь снаружи, как итог —
Вскипая или холодея.

От страха или от вина,
Под женской ласковой рукою
То остановится она,
То побежит опять рекою.

Но если продолжаю я
Движение вечно-человечье,
Она, конечно, не моя,
И с ней струится бесконечность.

Кому ещё служила ты?
Сочилась ли из раны в битве?
И из-за чьей-то красоты
Стекала в ванну из-под бритвы?

Ты не была голубоватой?
Хотя б чуть-чуть? Тебя не пил
В кино или всерьёз когда-то
Какой-нибудь румын-вампир?

Я знаю: все тебя хотели —
От Чингисхана до Петра —
Увидеть на убитом теле,
Вокруг костра и топора.

Но ты пробилась сквозь столетья
Назло всем палачам, судьбе.
И вот — влилась в меня зачем-то,
И я принадлежу тебе.

Во мне есть кровь. Она есть память.
Она несётся сквозь года.
А я — всего лишь полустанок
Её стремленья в навсегда.

IV. Душа

Он умер. И душа его смотрела
На только что оставленное тело
И вспоминала трижды день за днём,
Как ей непросто было... было в нём,
Как появиться ей на свет пришлось

В дрожащем облике, под грохот слёз,
Как научилась медленно с годами
Передвигать руками и ногами
И в голову вошла, чтоб было можно
Собой владеть снаружи и подкожно,
И мысли подчинила в нужный срок,
И речь, и сердце, крови плавный ток.
А овладев (как будто бы) всем телом,
Она носилась в нём, валялась, ела,
Страдала животом и плохо пахла,
Нырнула в речку со всего размаха,
И многое другое испытала
(Хотя сейчас казалось — было мало).
И что скрывать — она могла порой,
Любуясь оболочки красотой,
На фотографиях и в зеркалах
Искать себя, как правило, в глазах.
Но в то же время иногда хотела
Преодолеть на миг границы тела,
Впиваясь в грудь у матери своей,
В глаза и руки близких и друзей,
В любимую и в дождь её волос
(Наверное, тогда и удалось).
Тогда она и поняла, конечно:
Разлука с телом будет неизбежной,
Как в тех же снах, где вольно над землей
Она парила птицей золотой
И счастье выходило за пределы
Ещё ручного и родного тела.
Их жребий был тогда уже подброшен:
Сперва кольнуло сердце, дальше больше —
Всё предавало, не справлялось тело:
Старело, пило, неохотно ело,
Страдало и болело, как назло,
И вот однажды ночью умерло...

Душа вздохнула, словно виновата,
И улетела в космосе куда-то.